

«Молоко брату
или книга себе?»
и Юрка ружнул
на левый бок,
прямо в сугроб...
А.Ю.

Андрей Юрьев

ЮРКИНЫ БЕДЫ

Андрей Геннадьевич Юрьев родился в 1974 году в Печоре (Республика Коми), окончил электротехнический факультет Оренбургского госуниверситета, работал дизайнером-верстальщиком в газетах «Оренбургье», «Оренбургское время», «Ваша Тема», в Фонде эффективной политики (Москва). Сейчас поддерживает работу сайта уральских словесников «Люминотавр» (luminotavr.narod.ru). С 1993-го по 1995 год – вокалист и автор текстов песен группы «Личная Собственность», в 1996 году – администратор Клуба творческой молодежи «Яицкий Мост», организатор издательского проекта «Странные Люди». Лауреат специального диплома «За философизм лирики» областного поэтического конкурса «Яицкий Мост – 96» (председатель жюри – Римма Казакова). Публиковался в альманахе «Башня», в газете «Большая Медведица». Издал сборники прозы «Мастер Обличий» и «Змея», его повесть «Те, Кого Ждут» вошла в сборник «Проза – то, чем мы говорим» (Саратов, 2000).

Как победитель областного литературного конкурса «Оренбургский край – XXI век» получил право издать эту книгу.

Андрей Юрьев

ЮРКИНЫ БЕДЫ

Повесть

Оренбург, 2016

Эта книга серии «Автограф»
издана при поддержке

правления Союза российских писателей
и депутата Законодательного собрания
Оренбургской области **В.Н. Киданова**

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК 822 (470.56)

Ю 85

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-(235.55)

Андрей Юрьев. Автограф № 13. Юркины беды. Повесть. – Оренбург: Издательский центр МВГ, 2016. – 52 с.

© Андрей Юрьев, повесть, 2016 г.

© Оренбургское региональное отделение СРП,
название и дизайн серии «Автограф», 2003 г.

*С благодарностью
Алме Кречетовой и Александре Грачевой,
первым читателям в ходе написания*

Книголюб

Книжки мало сказать любил. Зачитывался, сначала водя пальцем по строкам, а потом глотая тексты фразами, абзацами. На проверке скорочтения директор школы ухмыльнулась: «Он хоть усваивает что тараторит?» – и была удивлена подробным, детальным пересказом десяти, пятнадцати страниц, не без своих, правда, красок и нюансов. В библиотеке «гражданского» района – городок был поделен на военчасть и «мирную» территорию – Юрке предложили, в конце концов, стать полноправным членом общества книголюбов и получать наиболее популярные издания вне очереди, иногда и самым первым.

«Тише, наш малыш спит!» – и Юрка выключал приемник, проигрыватель, собирал игрушки и заваливался на диван с книжками Юрия Нагибина. Больше всего любил его «Рассказы о Гагарине». Ну как же! Писатель – тезка, первый космонавт Земли – тезка. Казалось, в этом что-то есть, что сам он однажды охватит взглядом весь земной шар или напишет об этом величайшем приключении-открытии.

Юра даже удивлялся, когда на его вопрос: «А ты читал про Тимура и его команду?» – некоторые отвечали: «Ну фильм смотрел. Читать? А зачем?» – и однажды рискнул проблему решить по-своему. А что? Если не читают сверх того, что вошло в учебники по русскому языку и литературе, пусть слушают! Без радиоспектаклей и пластинок с постановками сказок не додумался

бы конечно. А так – во дворе, отгородившемся от соседних домов дощатыми сараями, в одном сарайчонке, неизвестно кому принадлежавшем, прогнили доски – выломали две, и можно стало протискиваться вовнутрь и устраивать ежедневные заседания Клуба Любителей Слушать. Четверо друзей-одноклассников и двое подготовишек из соседнего дома – бревенчатого двухэтажного сруба – собирались сразу по дороге с уроков домой и просто заглядывали Юрке в рот, когда он воодушевленно пересказывал, что прочитал вчера вечером. Один «Волшебник Изумрудного города» с продолжениями чего только стоил... А томики эти Юрка караулил, каждый день проходя до библиотеки четыре квартала и выстаивая в очереди взрослых уже книголюбцев.

Библиотекарь помогала ему, снимая книжки с верхних полок, подсказывала, как быстрее найти интересующее издание – спасибо ей конечно. Но вот если Юра просил дать, что она почитала бы своим детям... Неизменно доставались из стройных рядов кожаных и картонных переплетов самые замызганные, выцветшие и истертые книжицы. «Боится, что неаккуратно читать буду», – насупливался Юра, но вслух ни разу ничего не высказал.

В тот день мама с утра была какой-то печальной, гремела чем-то и шуршала возле шкафчика с лекарствами – к нему Юрке доступ был закрыт без разговоров раз и навсегда, после того, как нечаянно... Ну не так уж и нечаянно... Фокусы он пробовал проверять на себе. Узнал от товарищей, что можно облить руку спиртом и поджечь – и поначалу даже больно не будет, пока спирт не сгорит. Потом да, может жгнуть так, что и наорешься, и напрыгаешься от боли. Вот он и напробовался. Когда руку начало припекать – махнул, сбить пламя, да так, что разлил пузырек с нашатырем по коричневому синтетическому коврику, и тот вдруг полыхнул всем разлитым пятном...

В общем, что-то мама капала, что-то глотала, чем-то мазалась – простыла, да, и идти за молоком для малыша досталось Юре.

На главной улице, Советской, было два продуктовых магазина. Один – ниже Юркиного дома, за кинотеатром «Космос», – универмаг «Север». Другой – выше, за библиотекой и баней, в нескольких кварталах. Да, мороз, хоть и солнце, да, дороги и дорожки во льду – но надо было видеть, с каким неудовольствием братишка обедал картофельным пюре без молока и масла – просто тертая картошка. Юрец покрепче за-

вязал отвороты шапки-ушанки и потопал по свежему льду. Хрум! Хрусть! Храц!

«Вот так Север у нас, – думалось. – В Ори еще дожди идут, а у нас морозяка и ледяные покатушки». В универмаге молока не оказалось. Продавец посмотрела на него большущими глазами: «Кому-кому? Малышу? Да ты сам-то кто, мальчик? Ах, ты старший! Ну специально для старшего позвоню тем, пусть тебе оставят пару литров. Сколько в твой бидончик вмещается? Не учили в школе? Ну, второй класс, рано еще, наверное. Ну-ка, покажи... Хорошо, иди к ним. Скажешь – Юра за молоком для братика. Пожалуйста, хороший мой!» По дороге приходилось останавливаться, растирать нос и щеки – папа научил, как не обморозиться, – но все же дотопал, и налили ему полный бидон, даже отлить обратно пришлось. Сам попросил – вдруг поскользнешься и прольешь. Против никто не был.

Уже начинало темнеть, и сумерки были странные – синеватый снег в тенях прятал ледяные скользочки, и приходилось наступать осторожно. Почти всеми пальцами обхватывал ручку бидончика, а указательный вытягивал, чтобы лучше придержать крышку и не расплескать ни капли. Вот и дверь библиотеки. «Отогреться, в тепло, иначе свалюсь вслед за мамой!» – что пришло на ум, то и сделал.

– Да, здравствуйте, опять я. Новинки? Какие?

Ему даже дали посмотреть на еще пахнущую краской книгу с лакированной обложкой и плотными белейшими листами, с яркими и такими веселыми картинками – «Муфта, Полботинка и Моховая Борода». «Юрий, нет сумки? Не беда, дадим вам пакет. Сейчас, знаете ли, в столице модно с такими вот пакетами везде

ходить. Только очень вас просим – аккуратнее, книжка пока в одном экземпляре...»

Понятно, что бежать было нельзя и слишком сильно топтать тоже – он как-то вот приноровился шагать по неверной дорожке: в одной руке покупка для брата, в другой – долгожданная сказка, о которой столько слышал, даже вроде мультфильм по ней сняли, только почему я его не ви?..

Ноги понесло вперед. Всколыхнулся, словно канатоходец. Рука с бидончиком – «не пролить!» – взлетела вверх, но пальцы только сильнее сцепил и указательный еще жестче вжал в крышку. Рука с пакетом повисла в воздухе. Пожалуй, какой-нибудь волшебник, умеющий останавливать время, мог бы подойти, осмотреть кругом, здесь колено подогнуть, тут локоть выпрямить, осанку поправить – и все бы обошлось, но волшебство даже и в заполярной, но все-таки средней школе не преподавали.

«Молоко брату или книга себе?» – словно спросил кто-то тихий на ухо, и Юрка рухнул на левый бок, прямо на модный пакет, прямо в сугроб.

*

А мама напекла блинов на молоке!

Как так получилось, Юра объяснить не смог бы, но снег попал как раз на страницы с картинками, и три сказочных друга теперь смотрелись помятыми и мутными.

Но это ничего.

Никого не спрашивая, Юрка приготовил в качестве извинения и кон... коп... компенсации! В качестве компенсации другую, не менее увлекательную сказку – «Баранкин, будь человеком!» Ее герой, тоже Юра,

чего только ни делал, чтобы доказать всем, что он чем-то хорош.

А вот ему доказывать ничего не хотелось.

Он наелся блинов со сладкой сметаной и, тщательно вымыв и высушив руки, открыл книжку на первой странице.

«Однажды у киоска с мороженым случайно встретились трое накситралей: Моховая Борода, Полботинка и Муфта. Все они были такого маленького роста, что мороженщица приняла их поначалу за гномов...»

Хм.

«Юра Гагарин защитил диплом с отличием, перед ним были открыты все дороги, но когда товарищи спрашивали: «А ты куда?» – он отмалчивался. И не потому, что, подобно былинному витязю на распутье, не знал, куда повернуть коня, а потому, что ощущал мучительную неправду в своем недавно сделанном выборе. А выбрал этот юный металлург не горячий цех, не институт, а Оренбургское летное училище.»

Но этот выбор – чудо или быль – ему делать было еще рано.

Везунчик

Ну и стервец же рос этот «наш малыш»! Его кровать стояла в головах у Юркиного диванчика, и Данилка приноровился швырять Юрке на лицо свою подушку. Иногда почти по часу пытели в темноте, перекидываясь туда-сюда. Больше всего Юру поражало упорство, с которым трехгодовалый малец стремился его победить, но сам уступать тоже не хотел. Возня продолжалась, пока

мама не приказывала обоим улечься головами в разные стороны. Иногда одному из них доставалось шлепков, но обычно оканчивалось таким вот «худым миром»...

Да, переупрямить его было сложно.

*

Улица Конституции была, да и есть, пожалуй, в каждом российском городе. Вот и в Пещерске она была, и, надо сказать, один ее конец упирался в пассажирский речной порт, а другой – в здания горадминистрации, суда, управления внутренних дел. А вот примерно посередине и стояли-лежали-сидели стадион и впритык к нему школа: четыре этажа, красный кирпич. После снегопада трактор расчищал двор и все нерукотворные горки снега сгребал в одну высоченную – насколько хватало высоты поднятия ковша. После уроков, стоило прозвенеть всем знакомому сигналу, ватаги младших классов с криками мчались к ней, нашей горушке. Когда надоело просто скатываться по довольно длинному склону – кто гонял на портфелях, кто на своем простом, кто выискивал в спортзале санки, – когда надоело, стали играть в Царя горы. Вот тут-то Юрка и столкнулся с пареньком из своего квартала – в каком точно доме он жил, непонятно, но иногда он вместе с компанией Клуба Любителей Слушать забирался в сарай, обжитый Юркой для пересказа вслух одному ему доступных книжек. Фамилия у него была еще странная – Партиз. То ли немец, то ли француз. Поговаривали, его старший брат зачем-то носит передачи в зону – дощатые стены, обвитые сверху колючей проволокой, и вышки с охранниками (автоматы наперевес) начинались метрах в двадцати за школой.

Сёмка. Так его звали. Он взобрался по крутому склону горы и вцепился Юрке в воротник клетчатого пальтишка: «Сам скатишься или подтолкнуть?» Юра перехватил крепкую руку повыше кисти и выкручивал, и боролись они, и ёрзали по макушке горы, пока кто-то не толкнул их обоих на скользкую ленту ската.

«Кто? Кто это сделал?» – в отчаянии прокричал он, шлепнув шапкой о ледяную дорожку.

Одноклассники уговаривали успокоиться: все честно, ну не совсем, ну не дали побороться за Царя, ну и ладно. Но он упрямо стоял на том, что «кто-то сподлянил». И вдруг здоровущий Сашок ухмыльнулся: «Ну я вас столкнул. И что делать будешь?»

Драться один на один было бы смешно – голыми руками против танка.

Юра созвал всех, кто его утешал, в резиденцию Клуба Слушателей.

*

«Пусть нас рассудит Дух Войны», – так и решили, нимало не шутя. Юля Энгельдт вызвалась найти «военное» занятие для девочек – половина класса встала на Юркину сторону, половина – за Сашка, и девчонки тоже решили высказать, что считают случившееся не совсем мужским поступком. «Не волнуйся, Великий, помогут чем смогут. Что? Вторую неделю же никто из родителей не знает ничего, так кто будет болтать? Да, ты Великий. Помнишь сказку про Волшебника Изумрудного города? Вот ты Великий и Ужасный... Хохотун!» – так отсмеялась Юля.

Юра ходил кругами по квартире. То чаю напьется, то проигрыватель включит – до времени решающего

боя оставалось сорок пять минут. На стадионе, на той стороне, подальше от дорожек для биатлона, уже высились снежные валы полукрепости, и по Юркиному списку значилось: вот эти принесут снежки готовые и чуть заледеневшие, вот эти – рогатки с проволочными пультками, вот эти как-то ухитрились утащить из хоккейной школы вратарские маски, а эти собирали по друзьям самодельные и магазинные (нет, что вы, что вы, игрушечные!) луки.

– Юр, я поведу Данилку к врачу, что-то он кашляет совсем нехорошо, тебя закрою. Говорю, чтоб знал, почему закрыто. Если придут к тебе друзья поиграть, так и скажешь – закрыт. Что ты так на меня смотришь? Всё, нам пора, пока-пока.

Он бросился к окну, выходившему во двор, – окну, покрытому ледяными листьями и цветами – да, вон она посадила брата на санки, и они двинулись в сторону Советской, больница была в ее начале, на санках-то доведет, на руках он тяжелый... «О чем я думаю? О сражении или о брате?» В окошко хлопнул маленький снежок. Двое мальчишек, назначенных им заместителями, и Юля (на плече повязка с красным крестом) что-то кричали. Юра попробовал подергать – окно открылось, повалил пар, он выглянул, весь в пару, перевесившись через край со второго этажа типового для городка деревянного сруба... Ноги искали опору... Нашли. «Юр, они не пришли! Победа за нами! Они испугались!»

Голова закружилась. Он готов был вылететь из окна. Ноги распрямились, и позади что-то грохнуло.

Это упал вместе с подтолкнутой тумбой телевизор. Упал прямо выпуклым кинескопом на ковер.

В дверь постучали. Юра, еле сладив с нараставшей дрожью, кажется, даже спросил: «Кто там?»

- Я. Сёма Партиз. Брат с ними поговорил, ни тебя, ни нас доставать не будут. Тут вот Юля хочет сказать.
- Ты Великий и Ужасный... Везунчик!

*

Повезло ему, да. Да так, что сидеть еще два дня не мог.

«И надо же – не взорвался кинескоп, не треснул. Везунчик да и только!» – приговаривал отец.

По согласию членов Клуба к слушаниям допустили участника женского пола. Перед сном Юрка смотрел в потолок, вращал указательным пальцем одному ему видимые звезды и повторял: «Юля, июль, Юл. Юля, июль, Юл. Юля, июль...»

Сон приходил незаметно.

Вот ведь везунчик.

Даже прилетевшая подушка не смогла разбудить. Везунчик, везунчик.

Блиндаж

Это в школьном дворе на расчистке работал трактор, а во дворах жилых домов справлялись сами. После буранов, крутивших по городку вихри, освобождали дорожку к проезжей части улицы и к сараюшкам, обрамлявшим двор, – вот и получалась посреди него приличная такая гора снега.

Что уж там думал отец, неизвестно, но внезапно предложил Юрке построить «блиндаж». Посреди снеговала вырыли «колодец», обставили стену без углов фа-

нерными ящиками для почтовых посылок, утрамбовали вдоль кольца лежанку, тоже застав фанерой. Крышу перекрыли досками и присыпали снежком – со двора сооружение ну никак не было заметно, зато внутри – рома-а-антика! Юрка наташил самодельных деревянных мечей, полусломанных автоматов, ухитрился аккуратно проделать под самой крышей «бойницы» – чтобы подстергать коварных врагов. Весь вечер, до ужина, пока матери не зазвали разыгравшихся сыновей домой, с друзьями поджидали вероятного противника, отчаянно отбивались от чьих-то атак, делали вылазки из своего ДОТа до проезда между домами, загоня вражеских снежкометателей в подъезды и скуку квартир.

Ближе к ночи со двора доносился смех. Юрка нервничал: что там такое? Наконец, выключив свет, разглядел через полузамерзшее окно компанию старшеклассников с братом Партиза, вроде бы забиравшихся в низкий вход блиндажа. Смеялись, пели, через бойницы светило горячей свечой, наверное.

Наутро Юрка, вырвавшись-таки из дома, обнаружил в ДЗОТе и бутылки из-под пива, и сигаретные окурки, и кучу еще всякой дряни – ее и подметать-то было противно, но чистоту **своей** хижинки он поставил превыше всего.

*

Днем был урок физкультуры, и Юра притащил лыжи – обычные. С креплениями? Да какие там крепления! Кожаное кольцо – вставить носок валенка. Но и так кататься было весело, и Юрка даже ухитрился обогнать некоторых одноклассников. Набегался вокруг школы так, что парило от груди и дышал с присвистом.

Учитель записал их «рекорды» и распустил по домам тех, кто додумался ранцы вынести на улицу и поручить их гулявшим вокруг горки на отдыхе от физрушных радостей – ввиду послаблений после болезни.

Юра гнал домой довольный, огибал стадион. Внимательно осмотрел дорогу. Шлеп-шлеп-шлеп, не снимая лыж. Скатился со склона, мах-мах, вот и дом. Ночью опять снегопадало, блиндаж стал совсем горушкой. Юрка, радостный такой, забрался на верхушку – скат был крутым и обещал веселье.

Что-то хрустнуло, он не успел понять, что – из снежной кучи торчал по плечи. Почти все тело болталось на весу – под разошедшимися, очевидно, досками. Они потрескивали, но держали. Юрка попробовал подвигаться, но руки взмахивали так беспомощно, что махом ими только и оставалось подкреплять крик «спасите!» – пальто задралось, рубашка вылезла, на морозе пузо мерзло, надо сказать...

Он висел, висел, руки начали затекать, мысли лезли: «Живот отмерзнет, позвоночник воспалится – не смогу ходить, желудок откажет – как есть?!» В соседнем дворе показались какие-то старшие ребята – он выкрикнул, и выкрикнул, не думая: «Помогите, пионеры!»

Несмотря на возраст – все-таки рановато – родители выписывали ему и «Костер», и «Пионер», и «Пионерскую правду», и кодекс чести «избранного в пионеры» он уже знал – «помоги чем можешь попавшему в беду»... Хохот проходивших звенел в ушах – они даже швырнули в него наспех скатанными снежками: «Шапку, шапку надо с него сбить! Ай, ай, бежим».

Отец шел на обед домой. Все оказалось просто: раздвинуть доски пошире – и Юрка довольно мягко упал на ноги. «Нет, пап, я не хотел крышу еще сильнее ломать» – «Гляди, там опять накидали-насорили. Придется блиндаж засыпать. Нет, придется!»

Юрка сглотнул подступившую к горлу обиду, проверил лыжи – не сломал ли? – и умчался до вечера гонять со ската от дороги. Вечером обложился журналами. Выискивал правду: могут ли пионеры и комсомольцы пройти мимо попавшего в беду?

*

Классе в восьмом классрук доняла его: «Почему ты не вступаешь в комсомол?» – «Не хочу, принципиально». Он никому так и не сказал – не помогшие в малом помогут ли в большом?

Это терзало. Мелочь, смешно?

Может быть.

Вам не удаляли ничего из живота от переохлаждения.

Хах

Хохотун? А все просто – в их школе была традиция: отмечать дни рождения не только дома с родными, но и в классе. Именинник приносил по паре конфет и печенюшек каждому однокласснику, и – это как раз главное – желающие поздравить выходили к доске, читали стихи, пели песни. Никакой принудилочки – кого любили больше, тех поздравляли так долго, как могли.

Юрка читал короткие анекдотики. Была в детском журнале «Костер» рубрика «И все засмеялись!..» – забавные ситуации или взгляд на них с обязательным окончанием этим слоганом. Вот их и пересказывал. Класс смеялся – это ладно, но вот сам Юрец не мог иногда закончить свое выступление, переламываясь от хохота над тем, что еще только планировал произнести...

И вот оттуда, от небольшой надстроечки-возвышения между классной доской и окнами, ему были видны все, и так ясно сияли глаза Юли, и даже словно бы различал ее шепот: «Хохотун и есть!»

*

Весна приходила в Пещерск, сами понимаете, позже, чем в другие уголки России. В Ори вообще уже лето бушевало, а Юрка еще только надевал резиновые сапожки – слякоть и лужи одолевать. С пришедшим теплом... Да с каким там теплом, если даже лето было, мягко говоря, прохладным! Ну ладно, все-таки теплее осени... С пришедшим теплом стало возможно опять забираться в заброшенный сарай, резиденцию Клуба Любителей Слушать, а теперь ведь с ними была и Юля! Специально для нее Юрка выбирал книжки с женскими – да какими женскими-то? девчачьими! – персонажами. Продолжения «Волшебника Изумрудного города» чего стоили! Юля слушала с большущими глазами, в самых напряженных местах пересказа всплескивая руками, хлопая себя по затынкнутым в теплые колготки коленкам. Ради этой улыбки Юрка готов был перечитать всю городскую библиотеку – там специалистки устали удивляться, почему мальчишка просит книги про девочек...

А папа смастерил Юрке кораблик – плоская палуба, треугольный нос, закругленная корма. Три мачты с парусами из клетчатой клеенки и по палубе проволоочное ограждение по стойкам-гвоздикам! Юрка запускал его в поток у дома и вел до самой библиотеки, иногда только переправляя в другой рукав разливающегося бурления.

«Ух какой! – Юлины глаза не ввали. – А как мы его назовем?»

Мы.

Юрка, показалось, был готов отдать за это даже проигрыватель с пластинками сказок.

*

А Сёмка даже не послушал про похождения Элли и Энни. Зачем ему чьи-то фантазии? Он практически сразу предложил Юрке обмен – корабль на «взрослую» книжку в кожаной наделашке, скрывающей обложку с названием. Зачем? Ну любовь же, пора учиться, что с ней делать...

Книжку Юра читал с тяжело бьющимся сердцем, хотелось кричать: «Все не так! Она не такая! Мы не такие!» – но останавливала простая очевидность: папа и мама любили друг друга, и Юрка родился. Даже не дочитав, понес «эту фигню» обратно. А Сёма... Эх, Сёма! Сёма отломил мачты и на чистую палубу прибил башенки со стволиками. Был парусник, стал броненосец.

«Сейчас как дам залп из всех орудий! – Сёма водил корабль (быщь, быщь) по «заливу», на берегах которого готовились к бою оловянные автоматчики. – Чего назад? В руки берется, назад не отдается!»

Ну Юрец и выпалил, что первое пришло: «Я твоему брату ее верну!»

Мачты обратно не входили, падали.

Пришлось нести показывать папе. «Если ты мои поделки не бережешь, я больше ничего тебе делать не буду!»

И только Юля, вдруг погладив его по голове: «Мы назовем его Смеющийся!»

*

Что Юрка вычитал в книжке – о том молчал до 16 лет.

Ну и все засмеялись.

Нет? Вы тоже романтики?

Очень приятно!

Нарисуй это

Болеет Данилка тяжело – дышал с присвистом и прихрипом. Врачи сказали: заполярный климат может его сгубить. Родители о чем-то долго советовались вечерами на кухоньке, Юрка едва расслышал – вернуться в Орь?

Нет, нет, нет, какая Орь, вы что?! Он вчера впервые взял Юлю за руку, и они шли, ладошка в ладошке, до самого ее дома – не так уж далеко вниз по улице, эх, ну почему недалеко?!

Теперь второй день хотелось петь. Юрка включал свой «Рондо-201» и ставил маленькую пластиночку «Роллинг стоунз» – отец еще в институте присылал из Риги маме в Орь такие вот «поющие письма». «Ай си э лайнз оф карс энд зей олл пэйнтед блэк!» – Юрка даже подпевал: мама подсказала, какие там слова, еще бы! Она ведь преподавала иностранные языки в мореходке Пещерска! «Виз флауэрс энд май лов бос нева ту кам бэк!» – Юрец обставился и стульями, и кастрюлями, и какими-то коробками – лупил по ним нещадно карандашами, то ли ритм выбивая, то ли мелодию. Карандашный грифель потом в итоге при заточке ломался через каждые полсантиметра. Зато

Юрка набуцкивался так, что в кончиках пальцев даже томилось нечто сладкое – довольство музыкой, вам оно знакомо?

На 9 Мая в школе всем дали ну невыполнимое совсем задание! Надо было найти ветерана войны и записать с его слов рассказ о памятном сражении. Ну кто захочет говорить с чужими детьми?

Юлин дедушка согласился.

Пришли к ним вчетвером – Юра провожал Юлю, ташил ее ранец, ладошка в ладошке, а у подъезда их уже ждали ребята из Клуба. У дедушки в квартире была своя комнатка, стены увешаны фотографиями, дипломами и грамотами «За трудовые заслуги», а в шкафу даже стояли модели парусников! Юрка еле слушал его рассказ, оглядываясь на нее – как она пристроилась у входа на стульчик, как поднесла палец к губам, как кивала: «Слушай, записывай!» – а он все любовался ее школьным костюмчиком – да, обычный, как у всех, но на ней он был прекрасен.

«Юр, а ты хочешь посмотреть браунинг? Именной!» Еще бы не хотел! В Орь? Ну тогда ее забираю с собой!

«Всем лежать!» – прокричал Юра, скинул предохранитель и – жим, жим, жим! Три оглушительных выстрела прогремели в небольшой комнатке! Все схватились за уши, а Юрка бросился к двери, схватил Юлю за талию, взметнулся на боевого коня и помчался вдаль, к темному лесу, к жующим их блиндажам!..

Юрка взвесил на ладони пистолет – как его удерживали при стрельбе, непонятно – и вместе со всеми засобирался.

Юля тронула его за плечо: «Останься, дедушка хочет с тобой поговорить!»

Не надо разговоров. В конце недели мы с мамой уезжаем в Орь.

«Виз флауэрс энд май лов вил нева ту кам бэк!»

Колонна черных машин с цветами и моей любовью, которые никогда не вернуться.

Потому что брату теперь нельзя так сильно прощать.

Поэтому. Именно поэтому все стронулось и меняется. Мир перекраивается и никогда уже не будет прежним.

Он еще раздумывал, писать ей письма или нет.

Не стал. С глаз долой...

Как ни странно, от нее тоже не пришло ни строчки.

Пейнт ит. Пейнт ит блэк*...

Не мы

Что зрение слабое – это выяснилось в четыре года, еще когда на Севере жили, когда заметили, что щурится, разглядывая картинки в книжках. Стал носить очки. Это было и поводом для гордости, и проклятьем – на улицах некоторые кричали: «Очкарик, в... ухе... шарик!» Но и находились девочки, любопытные, улыбавшиеся: «Ты в очках такой умный...»

Уже по приезде с Севера, аж в четвертом классе, ему объявили, что надо лечить глазки, и будешь видеть,

* *I see a line of cars and they're all painted black
With flowers and my love both never to come back*
(Колонна черных машин с цветами и моей любовью,
которые никогда не вернуться) – композиция «Paint It Black»
группы «Rolling Stones».

в конце концов, гораздо лучше. Всего прошел около десятка курсов лечения, каждые полгода отправляясь на месяц-полтора на больничную койку, – и тебе электрофорез с примочками на глаза, и лазерная засветка сетчатки, и уколы никотиновой кислоты, и какие-то закапывания с непроизносимыми названиями. Полтора месяца в детском отделении городской больницы... Даже если три палаты друзей набрать – все равно скучно, тяжело, тошно. Временами то один, то другой бросался на койку в слезах: «Домой, домой!» Но это было вовсе не испытание, было кое-что похуже...

Вот, например, к полненькой, низенькой (для своего возраста) девочке с кровати в правом углу возле двери пришли родители. Почти все вышли из палаты, чтобы не мешать, а он сделал вид, что спит. «Тебе надо ее кушать, надо, сил не будет!» – уговаривала мать и что-то прямо пихала с ложки, а девочка упрямылась: «Ну сколько можно черную, не люблю я ее! Красной нет?» И вдруг до него дошло, чем ее насильно (!) потчуют – ошарашенный, выскочил в коридор: «Слушайте, она вообще откуда такая взялась?! Икру не хочет есть!» «Икра? А что это?» – с покрасневшими щеками спросил один, лопухий, и тут Юра вспылел: «А! Ну вас!» Когда родители капризули ушли, он, все еще возмущенный, подошел к ее кровати, чтобы лучше слышать и не пропустить ни звука: «А кто твой папа? Кем он работает? Генерал? А-а-а, ну ясно...» – и отошел, злой на всех и на психолога-педагога, собиравшую в обеденном зале группу на больничное замещение школьных уроков.

«Я не пойду, а зачем? Не отстану я от класса – и догоню, и перегоню, и за мной еще гнаться будут!» – так и сказал. Зато после занятия быстрее всех оказался у шкафа с проигрывателем. Под ставшие любимыми

пластинки можно было играть в простенькие, в общем-то, игры: впускать внутрь большой «тарелки» волчки, почти наугад, чей вытолкнет всех «противников», или посерьезнее – развернуть клеенчатое поле из клеток для «шагов» – кругов-«неожиданностей», треугольничков-выигрышей и прочих сюрпризов – для путешествия в другой угол, перешагивания фишками по числу выпавших меток на кубиках. «И в солнечной Италии... И в пасмурной Гренландии... Носил с собою человек... Все имущество свое! Обрывок шкуры мамонта...» – подтягивал Боярскому. Что он brave мушкетер – уже знал, а что такие песни поет – только здесь и услышал...

В тот день Юра все так же подпевал музыке с пластинок. Новеньких привели и на время оставили перед постом медесестер – искали им место в палатах. Двое, почти одинаковые на лицо, с одинаковыми прическами – задранными кверху на лбах хохолками. Помахал им: «Привет!» Один нахмурился, кивнул, отвернулся, страшно покраснев. Второй, улыбнувшись, выдавливал так долго, так: «Прррр... иввв... е-э-э-эт». Ему вдруг стало и стыдно, и жалко, и отчего-то больно. Внезапно руку свело судорогой, взмахнул неловко – а этот, улыбочивый (о, у него родинка под глазом), вдруг задвигался, почти смеясь и делая какие-то странные движения. Педагог строго посмотрела на Юру: «Ты знаешь язык жестов? Нет? Странно. Он решил, что ты ему что-то хочешь сказать». Он готов был провалиться сквозь землю от стыда, но что уж, так получилось, так получилось...

Их подселили в его палату. Подселили – мест не хватало, было много прооперированных, две койки сдвинули вместе, и вот вам на троих. Этот, с родинкой, все улыбался и порывался что-то объяснять жестами, а Хмурый краснел и даже хватал брата за руки, глядел

на Юрку так тяжело, будто тот в чем-то виноват. Юра пытался догадаться, что значит вот этот жест, и вот этот, но... В конце концов достал блокнот и ручку: «Напиши, что хочешь сказать». Так пошло легче, хоть что-то стало понятно, у них мама совсем немая, да, а они? «Не знаем» – «Ну как не знаем? Вот смотри, в книжке фрукт, как называется? Скажи вслух!»

Улыбчивый выдавливал звуки по одному, по капле, и когда получилось сложить звуки в слово, обрадовался, захопал в ладошки. Юрке стало радостно, но под сердце будто иголку воткнули – жалко, что ли, немых? «Жалко у пчелки», – прошептал себе под нос, и...

*

...и через неделю беспрестанных занятий Улыбчивый стал говорить медленно-медленно, но говорил же! Педагог с удивлением смотрела на Юру: «Может, в учителя пойдешь, когда вырастешь?» – «Нет, я как папа, в авиацию!» – «Генералом?»

Генералом папа не был, в пересчете гражданско-го звания на военное оказывался только капитаном вроде – может, поэтому икру Юрка на Новый год-то не всегда видел, не то что в обычные дни осени. Зато папа положил в «передачку» прозрачный пакет с эмблемой «Аэрофлота», а в нем, а в нем! Вяленый чернослив! Сочный, смачный, слегка терпкий – Юра держал его на языке долго, напиваясь вкусом.

«Улыбчивый! Тьфу, Славка! Держи черносливину! И брату вот тоже!» – они сидели на кушетке в коридоре, а Юра пошел по палатам угощать друзей, так и было, и времени-то прошло немного, минут восемь, Юрка еще удивился, куда подевались медсестры, а-а-а – в каби-

нете заводителем что-то позванивало и слышался смех, а на кушетке у самого медпоста Хмурый душил брата и сквозь зубы сипел: «О-о-отда-а-ай», а Славка, с налитым кровью лицом, и не пытался сопротивляться, только улыбка перекашивала готовые лопнуть губы – из разжатых пальцев помятая черносливина упала на пол.

Юрка ведь был старше них года на три, так что схватил Хмурого в охапку и затащил в палату очень легко. Вокруг прыгали, галдели, толпились, а Юра вжимал Хмурого в кровать и впихивал ему в рот чернослив, сдавливая челюсть со щек, чтобы разжались зубы, впихивал, а Славка чуть не висел на руке, что-то быстро-быстро тараторя и вдруг всех затихли, только тонкий крик, словно испуганная птица, заметался над головами: «Прости его! Я его прощаю!» – и Юра похолодел, обомлев перед седым Славкой, утирающим слезы, топчущим размазанные ягоды...

*

Никто не выдал Юрку. Говорили врачам, что брат душил брата, пока у того волосы не стали белыми. К вечеру облепили подоконники, прилипли к стеклам, глядя, как малыши плетутся за мамой и беловолосый отчаянными жестами пытается что-то объяснить немой. Немой...

Зверобой

Конечно же на лето Юру «сплавляли» бабушкам в деревню. А там... Практически всем местным чужой – мало того, что городской, так еще с каких-то Северов.

Где это, родители не все представляли, не то что дети... Вот и носился паренек по всей немаленькой деревне (официально – рабочий поселок) на велосипеде, иногда просто ради удовольствия от скорости, иногда от дома к дому родни...

Было за ним нечто странное, чего он сам в себе понять не мог: стоило увидеть ящик в шкафах, неплотно прикрытый и полный мелочевки, – не мог устоять, копался в нем, перерывая все барахло. Иногда с разрешения хозяев всех этих зажигалок, ножичков, пуговиц, медальонов, медалей, а иногда и по своему: дожидаясь, пока оставят один на один с «сокровищницей», и спешно перетряхивал просто старые, старинные и новоделанные вещицы.

Иногда попадались еще шевелящие стрелками часы, и тогда он спрашивал деда: «Дедуль, а у тебя нет каких-нибудь старых часов, тебе не нужных?» – и тот милостиво разрешал перерывать ящики еще раз, и – о! вот они! Дарю, внучек, пользуйся! А иногда находились медали, и с них разрешалось снять копию – накладываем фольгу, притираем, аккуратно снимаем слепок и заливаем эпоксидной смолой, перемешанной с бронзовой пылью-золотянкой...

Юра смутно понимал, что за свою страсть можно ведь и поплатиться, и одним скандалом не отделаешься, но... Вот ведь мелькнуло в ящике, открытом теткой Ирой, что-то блестящее. Как не проверить, что за сверкашка такая?

Это был... Это был... Это была гильза от патрона! Новенькая, жгуче блистающая, с непробитым капсюлем – и в мешанине ниток и пуговиц нашлись мягкие «меховые», словно из валенок вырезанные пыжи.

– Юра! Племяш, ты где там застрял? Иди сюда!

На летней веранде выставлен стол, на нем и самовар, и чашки, и конфеты, и редкий (в деревне-то) зефир, а вот и пряники, а это – м-м-м, мед в сотах!

– Давай, Юрец, жуй-жуй, глотай! – дядька Андрей иногда подначивал своих, двоюродных для Юры, ну и его обязательно. – Кто не умеет смеяться над собой, тот...

Вот окончание крылатой фразы Юра не мог вспомнить, еще бы – все внимание сошлось на гильзе в кармане: если есть, чем стрелять, поблизости найдется, из чего!

– Да я уже нажевался, спасибо. А, дядь Андрей, а я посмотрю, что у вас почитать есть?

– А посмотри, там и «Всадник без головы» должен быть, и «Следопыт», и «Зверобой», посмотри, ага! Только двери в комнаты прикрой, а то мухи налетят.

За прикрытыми дверями слышны были только обрывки фраз и «кусочки» дядькиного смеха. В тишине Юрка прижал сердце ладонью – что ж так грохочет? Вот сервант, вот книжная полка, вот тот самый ящик... Что-то подсказало – «загляни наверх». Поднялся на цыпочки. Оно сияло там.

Юра по книжкам знал: вот это приклад, вот это цевье, два ствола, вот рычажок, чтобы «переломить» и открыть ружье для заряжания. Патроны стояли в коробке там же, наверху, у стены.

«Я буду настоящим охотником! Ведь разрешит же выстрелить в сороку или воробья!» – и он дрожащими пальцами вставил в один ствол патрон, а в другой, уже с горячей головой, кругами перед глазами, испариной на лбу, – пустую гильзу. Какие-то пружины сопротивлялись закрытию, руки так тяжело напряглись, щелк!

– Юра, ты где там, зачитался? За тобой бабушка пришла!

*

«Он выскочил из комнаты такой странный, как пьяный, руки отряхивал от пыли. «Зверобоя», помню, взял почитать. «Вот прочитаешь и вырастешь настоящим стрелком! Только за кого будешь – бледнолицым или краснокожим?» И тут он схватил бабулю за руки и потянул: «Пойдем уже, пойдем!» В воротах они стояли, когда Боря, мой-то, братец Юркин, прокричал: «Стой, индеец!» – и как он дотащил ружье-то? Мы с ним баловались иногда – стой, стрелять буду, ну щелк и щелк.

Вот он и щелкнул.

Одним из двух курков.

Юра засмеялся. Потом всхлипнул: «Простите! Я не буду больше по ящикам лазать. Борька, не трогай!»

Второй выстрел жახнул ему под ноги...

На рыбалку ездим иногда, а при слове «охота» у матери истерика начинается».

Ильин день

Сказал я, что видел он плохо? Да и вообще здоровья не было, считай. Постоянно простывал. А уж худющий был! Одноклассники иначе как «дохесом» и не называли. Друзья уговаривали: «Не расстраивайся, ты просто у нас лучший по учебе, вот и завидуют». Успокаивало то, что друзья, что есть они, вот, рядом, а что другие смеются... Тощий... Ну пробовал даже через силу есть. Ну даже не три раза в день, а шесть – без толку. В каком-то журнале прочитал: «...в результате такого обмена веществ не может происходить наращивание мышечной массы, а уж тем более жирового слоя». Ну и для себя успокоился. Обмен не тот.

Обмен не обмен, а прозвище «Юрий Тонкорукий» приклеилось к нему намертво.

В лагерь этот они попали после седьмого же класса? После восьмого никто бы не загнал конечно. Трудовой лагерь. Приземистые беленые корпуса-бараки, столовая под навесом на открытом воздухе, умывальник на 10 человек. Утром вместо будильника поднимались под какую-то дурацкую песню, да какую там песню – ор! Ор из большущего динамика, выставленного на окно корпуса администрации.

После умывания ледяной водой – еще и очередь отстоять надо – и попыток чистить этим текучим льдом зубы (тут же сводило болью) по команде занимали места в столовой, по команде уходили, по команде строились для выхода на поле.

А вот «трудным», с кем учителя маялись и в школе, сходило с рук, похоже, и «проспал», и «не слышал побудку», и «не успел на завтрак», и «что мне, голодным полдня работать?» Они приплетались на поле своей стайкой,

вчетвером-впятером, сразу выгоняли всех из машины и принимали в кузов грузовика ведра с огурцами или полужелеными помидорами, старательно помечали циферками, кто сколько собрал, и покрикивали: «За меня еще полведра! За Толстого два ведра, не спим!»

Юрка смотрел на них с ненавистью, и глаза начинали гореть еще сильнее, когда видел, как Мишаня или Серый, получив от склонившегося сверху, через борт машины, щелчок по лбу, тащились собирать еще ведро, хотя норму давно уже выполнили и могли бы отдохнуть вместе с ним, прямо на поле перекусывая свежими огурчиками. Больше всего бесило, что в классах – по двадцать восемь человек, пацанов в каждом – по четырнадцать примерно, и все позволяли верховодить над собой четверым...

«А кто-то сейчас загорает у реки, – думалось. – Скоро купаться нельзя уже будет».

– Юрец, почему купаться скоро уже все, какук?

– Вода зацветает.

– Это как еще?

– Водоросли какие-то прибрежные семена выбрасывают, жгутся, волдыри даже можно заработать.

– Юрец, ты энциклопедии, что ли, читаешь? Не голова, а Дом Советов!

Рядом свистнуло, и шарик помидорки шлепнулся, превратившись в розовое месиво.

– Тонкурукий, мы решили пойти на озеро, тут недалеко, – это Вован с кузова, оказывается. – Ты с нами или с девками останешься?

– С вами, – деланно зевнул Юрка. – А что учителя?

– Поэтому и спрашиваем. Девки все равно замастырят, кто и куда ушел. Идешь?

– Иду конечно.

Путь на озерко оказался долгим, дольше, чем думали, и в этом походе Юра проклял и лагерь, и школу, и всю систему образования, позволявшую требовать от лучших лучшего поведения, а от лоботрясов – лабуду обычную, по штуке в руки. Всё потому, что Ванька-Вано задирает его всю дорогу, швыряя полуспелыми помидорами то в ноги, то вдруг прицельно в голову.

– Ты очуменно классный друг, Ваню, – сплюнул Вован. – Сам у него конфеты клянчит, и сам кидается.

Ваню глянул на новый «снаряд» в руке, прищурился, потер об штанину, куснул, скривился:

– Ну вот как в него не бросить? Э-э-э, Тонкорук, ты чего?

Юра, дыша как загнанный, выбросил булыжник на обочину, только убедившись, что Ванька отбежал далеко.

– Вот и оно, под обрывом!

– А спускаться как будем?

– Разденемся здесь и сразу прыгаем в воду!

– Умный в гору не пойдет, – Серый сумничал. – Очень надо кому-то что-то доказывать.

– Кто не поплывет, тот обходит озеро и несет нашу одежду на тот берег! – и со страшным, веселым воплем Вован влетел в воду под обрывом, как заправский прыгун.

«Опять приступ дистонии, что ли?» – испугался Юра, чувствуя ужасное сердцебиение и теряясь в поплывшем перед глазами мареве. Уже и вода сомкнулась над макушкой, и вынырнул, и опять под воду... Успел разглядеть, что впереди плыл шумно, с кучей брызг, Вовчик, Ваню же у Юрки за спиной что-то прокричал и повернул обратно, и у берега уже искал пологий спуск, и кто-то еще обогнал Юрку и молотил по воде руками, как веслами.

Брат у Серого учился в мореходке в Ленинграде и время от времени присылал записи на гибком прозрачном пластике с пометкой в письме: «Запомни, вот это будет скоро модным и надолго». В последний раз была песня какого-то неизвестного раньше Юрке певца с восточной фамилией с гулким, низким голосом: «И вот ты стоишь на берегу и думаешь – плыть или не плыть?» От песни Юре стало страшно, но сейчас... Он вынырнул опять и небыстро, но уверенно, прямо царевич-лягушечка – брасс это, что ли? – поплыл, поплыл, ведь поплыл же! Обогнал одного, другого, кто-то зафырчал, плюясь водой: «Тыфу на тебя, обгонишь – убью!» А на берегу Вовчик захлебывался смехом: «Тонкорукий плывет, а Серый и Ваню ему тапки несут, где это видано было?!» – и подал руку, вытаскивая Юрку из воды.

Он все еще не мог согреться, в тряске мелкой дрожью. Сергей и Ваня подошли, а Вован, докуривая «Столичную», сплюнул и выпалил:

– Значит так: с сегодняшнего дня кто Тонкорукого тронет или обзовет – будет иметь дело со мной. Всем ясно?

В бараке Юрке стало плохо. Врач, которого Вовчик чуть ли не за руки тащил, смерил давление и почти горсть лекарств отсыпал.

Только это уже было неважно.

Потому что берег остался где-то в прошлой жизни.

Космонавты

А вот не было у него велосипеда в городе, и все тут! Мать, устав мазать зеленкой и йодом его синяки и ссадины от падений на бешеной скорости – скорости,

с которой он рассекал по деревеньке, – запретила ездить на велике по городу. Поэтому до озера при ТЭЦ его возили на раме или багажнике то Мифус, то Леший. Нет, ну иногда и он, конечно, накручивал, выкручивал, наворачивал педали, силясь провезти друзей так далеко, как мог. Если Мишка так и норовил съязвить что-нибудь про черепашую скорость, то Леха всегда находил, чем подбодрить. Михаил не забывал сказать: «Всего километр как отъехали!» Алексей чаще всего улыбался: «Километр остался!» А им и ездить-то вместе особо некуда было – только купаться в этом ближайшем к городу приличном уголке природы, слитом из кувшинок, всегда теплой воды (в озерко спускали пар с электроцентрали) и крепкого берега, не размытого и не так уж дико проросшего корнями – корнями почти выкорчеванных деревьев...

Собирались в назначенное время у школы и от нее через приметную лесопосадку выезжали по объездной к ТЭЦ, по дороге заворачивали к филиалу комбината, работе Лешкиного отца: стройотдел мог похвалиться Красной комнатой – и уголок ленинцев с бюстом вождя и полочкой для его избранных сочинений, и уголок отдыха с теннисным столом.

Миша с Лешей просто рвались к игровому столу, а вот Юра... Что поделать! С его замедленной реакцией ни одна игра по-настоящему не удавалась. Все эти движения вовне, все это окружающее, сумасводящее и раздражающее ускользало от пристального внимания. Зато погружение в себя, в абстрактные контуры и цифры, в книжные образы давалось так легко, что казалось – он родился с компьютером в голове.

А пока что Юрка силился хоть как-то научиться тому, что столь многим давалось с легкостью, и в настольный

теннис резались втроем на выбывание – ну это, конечно, они ему льстили.

«В сетку!.. Подстольный!.. Неберушка!» – удары мячика о ракетку будто в лоб били, и только росли раздражение и рассеянность, и глаз не ухватывал полет белого комка пластика, и все уже, хватит!

«Ну тогда поехали купаться!»

*

Разбежаться и плюхнуться в воду с прыжка, подбрав ноги и обхватив их. Войти в воду «ласточкой». Иногда получалось – о-хо-хо! а-ха-ха! э-хе-хе! – руками выстремить тело в стрелу, а ноги раскинуть в закоряку – это тоже надо было суметь. А прыгнуть, погрузиться до самого дна и по нему плыть, насколько хватит дышалки? Вот в этих развлечениях Юра от них почти не отставал и даже – даже! – выигрывал по времени плавания под водой!

Сегодня к месту всегдашнего веселья подъехала машина, семейка – мама-папа-малыш – разместилась недалеко от воды с покрывалами, «пацаны, как вода? дно чистое, коряг нет?» Вроде никто никому не мешал.

Мальчуган – мама уже передела, «беги, милый!» – потопал к громадному пню, с которого и сигналы они в воду. Лешка в маске для подводного плавания с любопытством смотрел – что карапуз устроит?

«А вы что, космонавты, здесь делаете?»

Леха упал в воду, и оттуда пошли бурные струи ничем не стесняемых пузырей. Миха ползал на карачках по траве, выдавливая еле-еле через хохот: «Космо... космо...» Юрка обхватил разломину пня, чтобы не свалиться в воду и не захлебнуться: «Космонавты...

мы...» Родители растерявшегося малыша утащили его, схватив в охапку, – подальше от этих великих хохотунов. И все засмеялись...

Ага. Слов иногда мало. И слово «смех» не значит ничего.

С тех пор у них было общее кодовое слово. В трудную минуту, когда мозг разрывало от серьезности момента, напоминали друг другу – «космонавты» – и, казалось, даже дышать становилось легче.

Чертова лысина

Грибы искали долго, осматривая каждое деревце, каждый пенек – вдруг вот здесь подосиновик? На полянку вышли и поначалу просто стояли и оглядывали, удивляясь: посреди лесополосы такой закуток!

– Прямо под блиндаж для партизан, – сострил Юрок, а Мишаня даже и не вздумал засмеяться, обошел «пяточок», приглядываясь, много ли деревьев успели пустить корни на пустое место.

– Чертова плешь. Так, что ли, это называется? – Мишок разбрызгал широкими шагами листья на «лысине». – Пошли на стройку за лопатами! Как зачем? Партизанами будем.

Стройка... Ну как стройка... К школе пристрой делали – теплица для внеклассных занятий по биологии, с другой стороны облицовку спортзала меняли. Лопат, кирпичей, цемента и толя во внутреннем дворике было навалом, надо только пролезть под высокие ворота. Ни Юрке, ни Мишке не удалось: «Юрец, у тебя-то откуда живот взялся?» Пришлось звать на помощь Мишкиного младшего брата: «Запасной (так он его звал) всегда пригодится в мое отсутствие». Кое-как пропихнули инструменты и просмоленный толь – и дёру, дёру, волоча

рулоны одним краем по разбитому асфальту – за дорогой возле школы и был край города, там за пустошью виднелись ряды деревьев...

Яму для землянки рыли три дня – глубокую, почти в рост. Корни все-таки попадались – обрубали вытащенным во второй заход топориком. Торопились – не пошел бы дождь. Крышу настлали деревянными щитами, брошенными кем-то у гаражей рядом со школой, сверху этот смолистый картон из рулонов присыпали землей и листьями – ну вот откуда что придумалось, о войне-то знали по фильмам да книжкам! Даже печку сложили из кирпичей, вытащенных уже в сумерках, когда родители могли и оттрепать за позднее возвращение с улицы.

Да, устали. Да, чуть не надорвались – Юрка с его дистонией таскал тяжести стойко, хотя перед глазами плыли пятна. Но, как ни смешно, – свой клочок земли, свой, своими руками обустроенный, своими трудами! От печки парило, можно было снять куртку, и в карточки резались на оставленном в полу выступе – земляном лежаке – с особым азартом.

– А ты в курсе? Послезавтра опять на поля вывозят нас – картошка, свекла, морковь, еще что-то. Нет? – Мишаня приосанился. – Классная мне все рассказывает. Когда успевает? – он важно пригладил кудри. – А находим время, находим...

Что за намек, и был ли он – Юра и не задумался...

*

Они еще только зашли в автобус после нудного трудового дня, а Миха уже зашипел: «Юрша, Юрша, за мной, быстро», – чуть не пробежал вдоль салона и плюхнулся на заднее сиденье. «Чувствуешь – оно не

прикручено!» – «Ты с ума сошел? Все же видят! Это не рулон толя в сумерках тянуть!» – «Ну чего ты орешь, чего ты орешь! Не дрейфь! Все по-нашему будет!» И после часа тряски по дороге от колхоза до ворот школы у Юрки все-таки лопнула в голове маленькая звезда. Мишка крикнул: «А заднюю откройте!» – схватил сиденье, выскочил чуть не прыжком в дверь и перебросил сидушку через бетонный забор соседнего со школой детсада. Все так и было, только стократ быстрее, чем это описывать привычным языком.

Юрка огляделся. Одноклассники выбирались из автобуса. Классная отмечала в списке, все ли здесь. Водитель покуривал, скучающе оглядывая детвору, высыпавшую из других автобусов. Юрка потер горящие уши, кто-то тряс его за рукав, что ли? Точно – Мишаня что-то шипел, а-а-а, «пошли-пошли». «Куда?» – «Ко мне домой, твоим предкам позвонишь, что до вечера у меня останешься».

И пошли, и позвонили, и остался, и Мишкина мать накормила ударников школьного труда вкуснящим супом – а в гостях всегда вкуснее, нет? – и потом бежали до ограды детсада – фуф, на месте, никто не утащил, и вдвоем поволокли в свое убежище сухую и мягкую сидушку. Надо же! Короли леса, да и только!

*

– Я сначала хотела поговорить об этой ситуации после занятий, – классная отстукивала по столу концом указки одной ей слышный ритм, – но, думаю, в транспортном предприятии долго ждать не будут, скандал не нужен никому, но и откладывать решение конфликта не собираются. Коротко. Вчера, по возвращении с полей, в нашем автобусе пропало заднее сиденье.

Ха-ха – это мягко сказано. Из соседних классов заглянули в двери – пришли посмотреть, что тут за анекдоты творятся вживую. Ха-ха... Вот вам и «ха-ха». Как ни странно, Мишаня тоже чуть не пополам сложился от хохота. А Юра? Юра обомлел, заметив, что на него испуганно оглянулась Катерина. Если его обзывали еще полтора года назад Тонкоруким, то ей лепили прямо противоположные клички, но не в этом сейчас дело. Неужели видела?

– Я хочу сказать от имени всего класса, что мы оскорблены такими подозрениями. Могу поручиться за всех наших мальчиков, что никому это сиденье и не нужно было. Тем более девочкам!

Ай да Катя, ай да само негодование!

Классная скривила губы:

– Если бы! Если бы так, то не было бы жалобы. Начнем урок, а воришки пусть подумают, стоит ли позорить честь класса. Тем более что шефы собирались за хорошую работу премировать вас поездкой в Минск.

После урока, все еще чувствуя на себе Катин взгляд, Юра сжал Михачу локоть.

– Юрец, ты чего, ай!

– Из-за нас двоих накажут всех!

– И волнуешь тебя все? Никто не видел. Или не поняли, что это такое было.

– А как же Катя?

– Дура твоя Катя, причем влюбленная! Ай, ты чего хвататься так! Пальцы качаешь потихоньку?

Любовь, не любовь – в это Юрка вникать не хотел, хотя вдруг вспомнил и все Катины улыбки, и ее подсказки, когда еще с ней сидели рядом, и как она пересела, после того – ну, того, того случая, когда он, выслушав

ее ответ, ее, поднятой с места, выдернул из-под нее стул. Да. И села она головой об парту сзади... Любовь?

Вечером, когда еще шла вторая смена и классная должна была проверять тетради у себя в кабинете, делая так всегда и безотменно, Юра, отдуваясь, поставил сиденье у двери класса и постучал.

Потому что если Катю еще и в Минск не пустят – это будет уже совсем некрасиво.

Один

Нет, ну что вы, один он не оставался. Да, одноклассники уже шутили, наслушавшись от родителей: «публичное одиночество», «жизнь – это боль, доктора мне, доктора». Были еще какие-то шутки на переменах, Юра даже не пытался их запомнить. Рядом если не всегда, то очень часто были Миха, Серый, Лешка, Санёк – общения с ними хватало, но все равно... Вот такое чувство, что другого тебя нет, ты ни на кого не похож, никто не сможет, по большому счету, тебя повторить – вот это что? Это и есть «одиночество на виду у всех»? Ну тогда пусть будет оно. У Цоя услышал: «Я один, но это не значит, что я одинок» – и не согласен был абсолютно, и готов был спорить со своим кумиром!

*

А кумиров, надо сказать, прибавилось, и ведь они были так не похожи друг на друга! В девятом классе почти всем родители стали выдавать понемногу денег на карманные расходы, не особо заботясь, на что их

Месяц 90

Дни недели	Предметы	Чт
Четверг 04	Матем	Стр 454
	Чтение	Мамбарай...
	Русс. яз	Стр 323
	Труд	конструировать
Пятница 05	Чтение	Стр 1-11 (стр
	Матем	3452 Стр 456
	Труд	Стр 102-111 (а)
	Русс. яз	
	Матем	Математика в жизни
Суббота 06	Русс. яз	Стр 323 Стр 456 (визит)
	Матем	458 759
	Визит	читательский дневник
	Матем	визитная карточка

Подпись классного руководителя М. М.

Подпись родителей М. М.

ведет себя плохо. То вн. чтение не читает.

тратят. Юрка, Миша и Алексей стали меломанами – ну, как им казалось. У Лешки был очень качественный проигрыватель, вот и стал Алекс выписывать только входившие в моду пластинки: «БлокАда» и «Шестой лесничий» «Алисы», «Князь Тишины» «Наутилуса», «Группа крови» Цоя. Где заказывал? А в советском суперсервисе «Книги почтой», в котором в пору перестройки стали

продавать и музыку, расштатывавшую «деревянные» устои... Договорились, что Алексей покупает пластинки, Юрка и Мишка – кассеты в салоне звукозаписи, Юрка с пинк флойдами, например, а Михась с танцевальной музыкой: Джексон, «Джой», ну и всякие там Си-Си-Кэтчи.

Еще пару лет назад на Юрку рисовали шаржи: худенькое тельце, шарообразная голова, нереально большие очки, и то в книжку пальчик тычет, то с химическими пробирками возится. Одноклассникам казалось, что он учится с утра до вечера, все время после школы отводя чтению учебников. Эх... Ну решал он прямо на занятии все задачи, приготовленные математичкой на урок, за пятнадцать минут, ну дополнительные задания, успевал еще домашку сделать и сидел читал в свое удовольствие! Какое зазубривание учебников? Мишка успокаивал: «Да ладно, завидуют! Тоже хотели бы первыми быть!» Это пару лет назад. А теперь троица друзей, которую все кратко звали уже Мело, делала школьный бизнес. Да, да! Точнее, заказы принимал и рассчитывался Алексей, Юрке же доставались первые копии записей и экстравагантные заказы пластинок, с которыми порой «пролетали» напроочь, рассчитывая получить осмысленный текст и красивую мелодию, а получая порой хоровое пение фразы «Я не люблю тебя» – была такая группа «А-ВИА». Что уж говорить о шедевре «Муха – она как пряник»...

Катя подарила им – да вот, подарила! – диск металлической группы «Черный кофе». Юра уже начитался, что какие-то там должны быть «тяжелые гитарные риффы», но никакой тяжести не услышал – вокалист довольно приятно пел про деревянные церкви Руси, перекошенные древние стены – и, если честно, такие мурашки бежали от этой мелодии по всему телу! В

салоне звукозаписи на следующий день после прослушивания «Кофе» так и спросил: «Что у вас есть металлического с красивой мелодией?» – «О-о-о, ну для тебя... Для тебя вот. Просто короли металла. Включу, одну композицию послушаешь!»

I can't remember anything. («Не могу ничего вспомнить», – перевел Юрка на лету.)

Can't tell if this is true or dream. («Не могу сказать, было ли это во сне или наяву» – пока текст был понятен.)

Deep down inside I feel to scream. («Глубоко внутри – хотелось закричать».)

This terrible silence stops me. («Но эта жуткая тишина останавливала меня».)

Вот это, наверное, и значило – «тяжелый». Нагнетающаяся мрачность, такие мелодичные переходы, и вдруг, вдруг! Гитара кричала, рвалась, плакала, летела прочь из этого мира!

Юрка еле перевел дыхание, крутя головой: «А как? Как вы решили, что для меня?» – «А называется песня – «One»*. А вообще погоди... Если конкретно для тебя, по твоим вкусам – вот. «Алиса» ваша с них мелодию содрала. Ну, ну, похоже ведь? Что? Заказываешь обе? Вот, угадал я. Удачи!»

*

«Металлика» – это, конечно, оказалось на разрыв сердца! Родители морщились – «по полю танки грохотали, вот и вся музыка». Юркин отец потребовал перевести ему хоть несколько текстов – а, ну «Спра-

* «One» – композиция «Металлики» из альбома «...And Justice For All».

ведливость для всех», тогда добро, лады! А Юрка замирал – как можно так быстро брать ноты и аккорды, да еще так красиво!

А вот «Кьюров»* с тех пор носил возле сердца – таких исцеляющих душу мелодий больше не было ни у кого. Это, он был уверен, любовь на десятилетия! Не зря же Катя попросила у него переписать все их альбомы – он еще задумался: не намеки ли это опять на ее особые чувства? Запись сделал, а вот домой идти к ней категорически отказался – и оказался прав: как только не высмеивали девчонок, приглашавших к себе одноклассников! Странная пора была для школьников, странная...

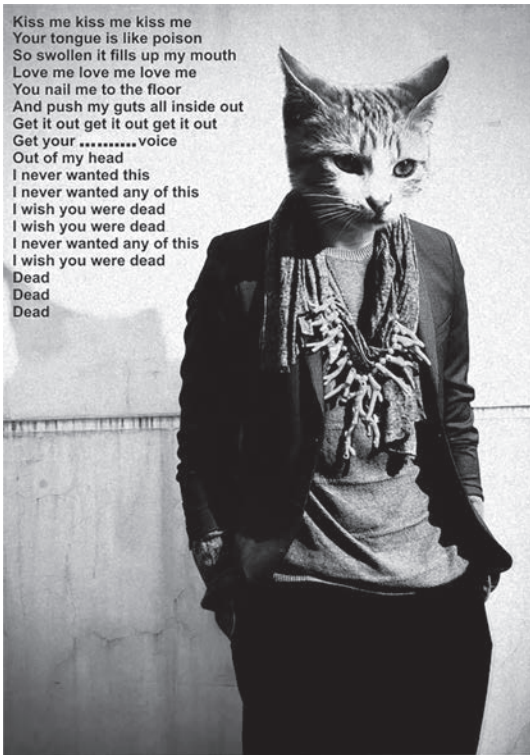
Их остановили по дороге домой двое – сын одной из учительниц, Рябой, и с ним еще один, из спецшколы. «Ну ты, ты чего сегодня не покрашенный?» – с Юрки быстро сбили шапку. – «И почему причесанный?» Юрка еще успел удивиться – почему Лешка отошел? А вот потом – мелькание кулаков, тяжелый звон в голове, кровь из носа, кирпич на дороге и взмах им. Леша стоял и смотрел – стоял и смотрел, как Юрка платком вытирает кровь с разбитого лица, как исчезают вдали бегущие без оглядки, и высказал: «Ты поищи по журналам, как этот твой «Кьюр» выглядит. А то ведь можешь и еще раз схлопотать».

И почему-то: «Now the world is gone, I'm just one – сейчас весь мир сгинул, есть только я один», – вспомнил Юра. Прощедел что-то сквозь зубы, вроде: «Справедливость для всех требовать не вам», – и еще что-то проговорил, подобрал портфель и побрел домой.

* «The Cure» – родоначальники готического рока, сценический образ – соответствующий.

Kiss me kiss me kiss me
Your tongue is like poison
So swollen it fills up my mouth
Love me love me love me
You nail me to the floor
And push my guts all inside out
Get it out get it out get it out
Get yourvoice
Out of my head
I never wanted this
I never wanted any of this
I wish you were dead
I wish you were dead
I never wanted any of this
I wish you were dead
Dead
Dead
Dead

Один.

Казалось – постоять за своих друзей, пусть и очень далеких, – через это испытание должен пройти каждый.

*

На Мишку напали в сумерках – на майке с надписью «Jackson» слишком уж счастливым выглядел Король Лунная Походка. Порванная майка, вывих локтя.

Юрку опять нашли через два дня: «Слышь, ты чё, прямо так всерьез и ударил бы? И разборка потом и ментов не побоялся? Ну я не знаю, кто что про тебя говорит, но ты, по-моему, реально без башни! Лан, забыли всё!»

Лешку поджидали на выходе из школы, не окликнули, а прямо-таки свистнули! Алексей спустился со ступенек и, хмурый такой, встал в стойку. «Каратист, что ли?» – «А ты проверь!» Больше на него не дергались.

Слушать музыку не перестали.

Перестали привлекать к себе внимание.

Провинция-с.

А вы говорите – «космонавты». Иногда и это не смешно.

Экзамен

Брошенную землянуху Мишаня ему не забыл. Да они и в пристрастиях стали расходиться. Ну вам, может, и не важно, что слушает друг и как часто, а Юрке «фу», высказанное в адрес Цоя и флойдов, резануло по сердцу. В магазине лома (а появился и такой в перестроечном угаре) Мишка вытащил себе из кучи хлама лентопротяжный механизм – движок магнитофона – за какую-то трешку, Юрке же сбыл за десятку не сморгнув. А когда Юра собрал магнитофон (электронную начинку, кстати, спаивал из купленного в Минске радиоконструктора), так вот – когда собрал, он что сказал?

– Ну что, ништяк звучит... Надо было мне железо тебе продать за 25. Моя магнитола такой чистоты звука не даст. Слушай, а если я назад лентопротяг заберу, м-м-м?

А вы спрашиваете, почему на переменах Юра все чаще стал сидеть на подоконнике в конце коридора один, разглядывая беговые дорожки и футбольное поле при школе. Почему да почему...

Вован, искренне поклявшийся заступаться за Юрца, ушел после восьмого класса в училище, и Юра опять остался один на один со своей бедой – худобой и прочими вытекающими из проблемы бедками. Такими, что...

– Думаешь, мне приятно слышать, как над тобой смеются? – Мишаня и в этом стал вдруг напрягаться. – Я один не могу против всего класса стоять и тебя защищать! Да знаю, что ты не просишь! Вот что, в конце концов...

И Мишаня высказал свое, поразившее как громом:

– Мы теперь сдаем экзамен еще и по физкультуре. Если не сдашь – и близко не подходи. Я просто перестану с тобой вообще общаться! Понял?!

Не сразу. Доходило долго, Юра еще и отшучивался.

Потому как с Мишаней подружился с первого дня занятий четвертого класса. Когда приехали с Севера, первые полгода Юра жил с матерью в деревне у бабок – отец был занят покупкой кооперативной квартиры: то документы, то прием грузовых контейнеров, то расстановка мебели в новой трешке. Юру привезли в город перед самым первым сентября, даже во дворе не успел ни с кем познакомиться, и тут вдруг школа. Когда читали списки, кого в какой класс, очень удивились, что его по ошибке вписали к «французам», мать

спешно решала проблему с директором, и Юра бежал к уже построившимся шеренгам, и только занял место в ряду, как его дернули за рукав: «Молодец, сразу все выяснил, правильно, не тяни kota за хвост! Я Миша».

Ну а теперь и шутки не помогали.

*

Вставал вместе с отцом в шесть утра. Яичница, крепкий чай, и топчи квартал до Мишкиного дома, там переодеваемся в спортивное, по весенней прохладе разминаемся – и пробежечка вокруг микрорайона, к лесопосадке, где кто-то додумался врыть турники. Ведь и подтянуться ни разу не мог, поэтому поначалу просто висел, насколько хватало сил, это позже – рывок-рывок, и хоть раз, да достал подбородком до перекладки. Попытка подтянуться – приседаем, сколько сможем, новая попытка – отжимаемся, насколько хватит сил.

На физкультуре к экзаменам их почему-то не готовили, физрук ерничал только: «Ну что, знатоки физики, останетесь на второй год мышцу качать, хе-хе!» А он даже при первых успехах не торопился показывать невесть откуда возникшие силы. И ведь не ел ничего лишнего или особенного, откуда что взялось?!

Ну и Цой конечно. «Ты должен быть сильным, ты должен уметь сказать – руки прочь, прочь от меня!» – в журналах тогда стало модно публиковать советы мастеров рукопашного боя, вот и пытался что-то хыкнуть да гакнуть, фантазируя, что занимается со спарринг-партнером.

Во дворе тоже стояли турники, рядом с качелями, но выказывать слабость перед пацанами-соседями не тянуло вообще никак. Тем более что он стал от них

чем дальше, тем больше отстраняться. В прошлое уходили казаки-разбойники, войнушка, битки: вчерашняя детвора начинала выяснять отношения с соседними домами, а некоторые даже ходили на разборки в соседние микрорайоны – кого пытались побить, с кого сняли модный тканый ремень Rifle, кто уже гулял с девочками назло чужому району. Юрка однажды собрался на «разбор полетов», но дворовой друг Валёк остановил: «Там проблема старших, нам там делать нечего», и Юра вернулся к любимым книжкам про опережение времени.

Валька в тот вечер изрезали намертво.

*

Физрук придерживал стойку турника в спортзале, разинув рот:

– Юрий батькович, я с тобой шесть лет бился, и ты за два месяца раскачался? Бег на пять, подтягивание и отжимание на четыре с плюсом? Да ты издеваешься! В секцию, что ли, ходил?

В секту он ходил. С хитрым названием «Дружи – не буду». Вчерашние насмешники не знали, к чему придраться. А вот, вот: «Такая дружба творит чудеса. Боялись расстаться, хи-хи». Но Юра и не вздумал покраснеть. Впереди были экзамены на поступление в Технический лицей при местном универе. Отвлекаться было некогда. Разве что на пятисотое прослушивание завораживающих строк: «Пожелай мне удачи в бою, пожелай... мне... у-да-чи!»

А бои у каждого были свои.

Стоит научиться преодолевать себя – начинаешь биться за жизнь ежедневно.

Содержание

Книголюб	3
Везунчик	8
Блиндаж	12
Хах	16
Нарисуй это	19
Не мы	21
Зверобой	25
Ильин день	29
Космонавты	32
Чертова лысина	36
Один	40
Экзамен	46

**Андрей Геннадьевич Юрьев
Юркины беды**

Редактор серии Вячеслав Моисеев
Дизайн серии – Сергей Ячменёв
Верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева
Иллюстрации – Андрей Юрьев

Издательский центр МВГ.
Тел. (3532) 55-41-99.
E-mail: wgmoses@mail.ru.

Подписано в печать 7.11.2016 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Типография «Южный Урал»:
Оренбург, пер. Свободина, 4,
Тел. (3532) 77-04-12.
Тираж 200 экз. Заказ № _____.